

СЧАСТЛИВЫЙ ПЛАЧ

Джек тоже опустился на колени, не желая беспокоить брата Эйдена. Он не мог понять молитв, но слова успокаивали его. Пега часто говорила, что рядом с хижиной монаха чувствуешь себя как летом, какими бы холодными ни были ветры в других местах. В брате Эйдене было что-то настолько ангельское, что даже ледяные великаны осторожно обходили его жилище.

Теперь Джек почувствовал, как на него снизошло спокойствие, как будто существо в орешниковом лесу в конце концов было не таким уж ужасным. Это был просто заблудившийся волк, воющий по своим товарищам, или тюлень, забредший с побережья. Он почувствовал запах морских водорослей.

“Я должен научить тебя латыни”, - сказал брат Эйден. “Тогда ты, возможно, не заснешь во время молитвы”.

Джек резко сел. “Я сожалею, сэр. Здесь так тепло и спойно, а я работал весь день.”

“Я не обижаюсь”, - весело сказал монах. “Я бы пригласил тебя войти, но здесь нет места”. Он махнул на дверь своей хижины в форме улья. Джек бывал там раз или два и знал, что хижина едва ли больше, чем рукотворная пещера. Там было место для крошечного алтаря, место для хранения пергамента и чернил и куча сухого вереска вместо кровати. Любой, кто был выше монаха, не мог даже встать.

Снаружи стояли стол и табурет, на которых брат Эйден иллюстрировал свои рукописи. Посуда и еда были сложены в тяжелый деревянный сундук внизу. Колокол был подвешен к деревянной раме рядом с камином.

“Я могу предложить тебе немного превосходного рагу из угря и репы, приготовленного Пегой”, - сказал монах, раскладывая миски, ложки и нож для себя. Джек, как и большинство жителей деревни, носил свой собственный нож. Его был особенно хорош, потому что это был подарок Горной королевы из Йотунхейма. “Позволь мне позвонить в этот колокольчик в последний раз — боже правый! В чем дело?” Брат Эйден закричал, когда Джек схватил его за руку.

“Прошу прощения, сэр, - сказал мальчик, - но вы не должны этого сделать. По крайней мере, не сегодня.”

“И почему же?” - сказал монах, потирая руку.

“Я—я не уверен. В лесу был кто-то, кто визжал, когда вы звонили в колокол. Простой ночью эта штука была на пляже, а теперь она ближе. Нам лучше спросить Барда, что делать.”

“Съешь что-нибудь, парень. Ты сможешь объясниться более доходчиво на сытый желудок”. Брат Эйден зачерпнул тушеного мяса из котелка на огне и развернул небольшую буханку хлеба. “Я не могу представить, чтобы кто-то кричал от этого колокола. У него такой прекрасный тон, что ему дали собственное название: Счастливый Плач”.

“Счастливый Плач?” - сказал Джек, его рот был набит хлебом. “Звучит не очень хорошо”.

“Это зависит от того, о чем ты сокрушаешься”, - сказал брат Эйден. Он взял меньше тушеного мяса, чем Джек, и только самый тонкий ломтик хлеба. “Тебя охватывает тоска, когда ты видишь что—то нечто совершенное, совершенное настолько, что божественно - например, ягненка, впервые стоящего на ногах, или ласточку, ныряющую из облака. Момент настолько прекрасен, что ты хочешь удержать его навсегда, но не можешь. И поэтому ты скорбишь и

испытываешь радость одновременно”.

Джек изо всех сил пытался понять. Казалось, это еще одна загадка, связанная со счастьем. Он сомневался, что Гог и Магог “счастливо плакали”, когда мычали вместе с коровами. Если уж на то пошло, коровы тоже казались довольно счастливыми.

“То, что ты слышишь, - это проблеск Рая, ибо на Небесах такие мгновения длятся вечно”, - объяснил монах. “Звук Прекрасного Плача напоминает нам о радости, которая лежит за пределами печали этого мира. Знаешь ли ты, что это тот самый колокол, который святой Колумб привез из Ирландии?” Брат Эйден благоговейно снял инструмент с крючка и положил на стол. “Это то, что заставило пиктов покинуть свои холмы”.

“Я слышал, что они высыпали, чтобы убить Святого Колумбу, и он напугал их до полусмерти, пригрозив свести их всех с ума”, - сказал Джек, которому хобгоблины рассказали об этом.

Брат Эйден нахмурился. “Я уверен, что это неправильно. Это звучит совсем свято .”

“Возможно, это всего лишь слух”, - сказал Джек, который не хотел расстраивать кроткого монаха. Он рассказал о чудовище в орешниковом лесу, но брат Эйден, казалось, не был обеспокоен.

“После той бури много бедных животных заблудилось. Я сам был напуган мычанием коровы, зовущей своего теленка. Слишком легко обмануть самого себя, особенно когда темно и ты один. Однажды, когда я шел ночью, я увидел пару больших, светящихся голубых глаз на обочине дороги.”

“Боже! Что же ты сделал? - спросил Джек.

“Я очень мало что мог сделать. Луна скрылась за облаком, и я с трудом видел, куда ставить ноги. Я мысленно помолился святому Колумбе и двинулся вперед, сжимая крест на шее. Затем — менее чем в пяти шагах — на другой стороне дороги появилась еще одна пара светящихся глаз.” Брат Эйден набил рот хлебом и медленно прожевал. Он был почти таким же хорошим рассказчиком, как Бард, и знал, когда нужно сделать паузу, чтобы зацепить свою аудиторию.

Джек нетерпеливо ждал, пока монах доест хлеб и продолжит.

“Я сделал еще несколько шагов, - продолжил брат Эйден, - и увидел третью пару глаз прямо посреди дороги. Не хочешь ли немного сидра? Твоя мать прислала пакет сегодня утром.”

“нет! Я имею в виду, нет, спасибо. Пожалуйста, расскажите мне, что случилось, - попросил Джек. Монах счастливо улыбнулся.

“Ну что ж! Я стоял совершенно неподвижно, не в силах идти вперед. Если я отвернусь, твари могут прыгнуть мне на спину. Я послал молитву святому Кристоферу, который защищает путешественников. Затем я вверил свою душу Иисусу, на случай, если святой Христофор не сработает. Однако кто-то, должно быть, подслушивал, потому что внезапно из-за облаков вышла луна. Дорога была залита прекрасным светом. И вот! Глаза исчезли. На их месте были овцы — совершенно обычные овцы. Я забрел в самую гущу стада. Итак, ты видишь, что разум играет с нами злые шутки, когда мы напуганы. Я уверен, что то создание такое же обычное.”

Джек подавил желание поспорить. Он был необычайно чувствителен к силам, лежащим в основе повседневной жизни. Иногда от занятий магией его действительно тошнило, и Бард сказал, что это потому, что его защита была слишком слабой. Потребовались годы тренировок,

чтобы вынести некоторые виды знаний, и Джек столкнулся с ними прежде, чем был готов. Злобная ненависть, окружавшая странного зверя, была очень реальной. Ему не нужно было видеть это, чтобы понять, что это враг.

Мальчик наклонил колокольчик набок, стараясь разглядеть его. Это был четырехугольник с закругленными углами, и он отбрасывал красноватый отблеск от камина. Несмотря на свой простой дизайн, в нем было богатство которое рассказывало о дворцах и королях. "Это мило", - сказал он.

"Бронза, покрытая золотом", - с гордостью сказал брат Эйден. "Придает ему такой глубокий, музыкальный оттенок".

"Язычок похоже из железа", - сказал Джек, поднося ее к свету.

"Очень наблюдательно. Бронза была бы слишком твердой и повредила бы колокол."

"Почему он имеет форму рыбы?" - спросил мальчик. Действительно, длинная подвеска была великолепным произведением искусства, с плавниками, чешуей и парой круглых рыбьих глаз, уставившихся на устье колокола. Он был слегка потрепан от использования.

"Отец Северус сказал, что это символизирует церковь. Хочешь еще тушеного мяса?"

"Нет, спасибо", - вежливо ответил Джек, хотя он мог бы вычистить кастрюлю. Он знал, что тушеное мясо предназначалось для завтрака монаха. Они прибрались: Джек полировал миски песком, а брат Эйден складывал остатки еды в сундук.

Наполовину полная луна заливала землю достаточным светом, чтобы Джек смог добраться до дома Барда. Он собрал свои вещи и вложил нож в ножны, которые висели у него на поясе. "Почему бы тебе не пойти со мной?" предложил он монаху. "Я знаю, что Барду нравится твоя компания".

"Я приду утром", - сказал брат Эйден. "Мне о многом нужно подумать сегодня вечером. Я должен обдумать тот крик, который ты слышал."

Джек испуганно поднял глаза. Значит, монах действительно что-то подозревал, о чем не договаривал. "Ты здесь в безопасности?" - сказал он, внезапно осознав, что вокруг полно теней а до ближайшего дома было далеко.

"Никто не находится в полной безопасности в этом мире", - сказал брат Эйден. "Если Бог решит призвать меня ночью, я надеюсь, что смогу ответить смело. Я останусь. Однако нет смысла вводить что бы то ни было в искушение. Я возьму колокольчик с собой внутрь, хотя одному Господу известно, где я сложу свою голову."

Пробираясь через поля, Джек часто оглядывался, чтобы посмотреть, все ли еще снаружи монах. Ему показалось, что он увидел, как дверь хижины закрылась, а огонь потускнел, как будто что-то промелькнуло перед ним. Огромные, сияющие голубые глаза, подумал он, вглядываясь в темноту. Почему синий? По какой-то причине цвет был самой жуткой частью истории.

Справа от тропинки Джек увидел, как длинные серые буруны подступают к берегу и отступают. Слева виднелась черная извилистая дорожка ручья. Он почувствовал запах морских водорослей и таволги и тонкий соленый туман. На последней части путешествия море было скрыто, хотя он слышал, как оно шипит и гремит по гальке. Наконец он добрался до дома

Барда и с благодарностью вошел в его тепло.

“Самое время”, - пожаловался Бард, сидя у костра с Моряком у его ног. “Я собирался послать летучую мышь искать тебя. Где Торгиль? Только не говори мне, что она тоже отправилась собирать лунные лучи.”

“Я предупреждал вас о том, чтобы не затевать драк”, - сказал старик, закрепляя бечевки по всей комнате. “Она как корабль без балласта, всегда во власти ветра”.

“Я не затевал драку”, - угрюмо сказал Джек, развешивая травы сушиться на веревках. Он описал события дня, закончив криком и визитом к брату Эйдену.

“Нет, но ты продолжал ее распалать, Только Фрейя знает, где она прячется.” Бард открыл пакет с аттерсвамом и понюхал. “Превосходно! Я хотел попросить тебя поискать их.” Он нанизал грибы на нитку.

“Ты же... не собираешься их съесть?” - нерешительно спросил Джек. Он вспомнил, как северяне брали их, чтобы впасть в неистовство.

“Звезды мои, парень, я не сумасшедший. Как только они высохнут и превратятся в порошок, из них получится одно из моих лучших зелий: Средство Вельзевула от мух. Я обнаружил рецепт, когда окуривал зал короля Хротгара. Ты понятия не имеешь, каким мерзким может стать место после того, как в нем побывал монстр. Я когда-нибудь рассказывал тебе, как я спас жизнь Беовульффу?”

“Да, господин”, - сказал Джек. Ему понравилась эта история, но сейчас его больше интересовал Аттерсвам.

“Хротгар прибил руку монстра к стене в качестве своего рода трофея. Глупый человек! Это привлекало мух. Я вышел в лес подышать свежим воздухом, и на что я наткнулся, как не на аттерсвам? Пока я наблюдал, на одну из шляпок села муха. Через минуту она опрокинулся замертво. Это был единственный намек, в котором я нуждался. Я размял грибы в молоке, смочил в этой смеси шерстяные шарики и подвесил их к потолку зала Хротгара. Ты знаешь, как мухи любят кружить по центру комнаты? Когда они устают, для них естественно приземлиться в ближайшем месте отдыха, но на Лекарство Вельзевула они приземляются только один раз.”

“Это блестяще”, - сказал Джек.

“Да, это так. Раньше я продавал это зелье как "Мечь драконьего языка", но брат Эйден предложил другое название. Он думал, что Вельзевул больше понравится христианам.”

Джек взял себе миску тушеного мяса из постоянно пополняемого котелка Барда. После второго (и более плотного) ужина он подмел пол и расстелил кровать у двери. Он взбил солому на раскладушке Барда в дальнем конце дома. Она напоминала овальный моток веревки, и старик устроился внутри так же уютно, как кошка в корзине.

Но Бард еще не был готов ко сну. “Прогони Моряка в его нишу. Нам нужно выполнить последнее задание.”

Джек воспроизвел бормотание/шипение, которому его научила Торгиль. Должно быть, он сделал это правильно, потому что большая морская птица приятно запела, прежде чем отправиться спать.

“Похоже, ты не весь день провел, сражаясь с Торгиль”, - заметил Бард.

“Это, наверное, последнее, чему она меня когда-либо научит”, - сказал Джек.

“Не считай драконов до того, как они вылупятся. Возможно, она рассердится не так сильно, как ты ожидаешь.” Бард достал из сундука металлическую флейту. Джек видел такие, сделанные из дерева, но эта была сделана с гораздо большим мастерством.

“Это похоже на язык в колоколе брата Эйдена”, - удивленно сказал мальчик. Те же плавники и чешуя украшали бока, и те же круглые глаза смотрели на мир из-за широкого рыбьего рта.

“О! Итак, ты обратил на это внимание”, - сказал Бард. “Я полагаю, Эйден сказал тебе, что это символ церкви. Он ошибается. Это лосось, который проводит половину года на Островах Блаженных и возвращается в бассейны своей молодости осенью. Некоторые называют его Лососем Знания, потому что он знает пути между этим миром и следующим”.

“Брат Эйден говорит, что колокол называется ‘Счастливый Плач’. И что когда люди слышат его, они вспоминают о Рае”, - сказал Джек.

“Это напоминает им о том, что лежит за пределами заходящего солнца. Называй это Раем, если хочешь.” Бард протер флейту краем своего одеяния. “Колокол был назван “Счастливый Плач” задолго до того, как нога монаха ступила в Ирландию. Это было сделано Амергином, основателем моего ордена. Со временем он перешел Святому Колумбу, который в тот год был лучшим в своем классе.”

“Святой Колумба был бардом?” - спросил Джек.

“Один из лучших. Это он перенес мою школу в Долину Песни, чтобы защитить ее от христиан. Он сам стал христианином, но не совсем забыл древние знания. Он мог вызывать ветры и успокаивать бури, черпать воду из земли и разговаривать с животными. Когда он состарился, к нему подошла белая лошадь и положила голову ему на грудь. Тогда он понял, что ветер подул на запад и что пришло время уходить. Говорят, что святой Брендан Мореплаватель отвез его на острова Блаженных.”

На мгновение Джек не нашелся, что сказать. Видение лошади, отдающей честь старому барду, тронуло его так, что он не мог этого объяснить. В своем воображении он видел корабль, ожидающий, чтобы увезти Святого Колумбу прочь. Это было бы скромное судно, как и подобает христианскому святому, и он уверенно плыл бы по морю.

“Я думал... святые попадают на Небеса”, - сказал он наконец.

“Возможно, они так и делают. Некоторые. Но острова - это промежуточная станция для тех, кто еще не покончил с делами этого мира. Там живут старые боги, а также великие герои и героини. Амергин там, если только он не искал перерождения. А сейчас уже поздно, и нам нужно поработать”.

Они вышли на улицу. “Отпусти свой разум вместе с ветром”, - приказал старик. “Почувствуй жизнь в воздухе”.

Мальчик часто следил за птицами в их полете, чувствуя ровное биение их крыльев. Он забавлялся, заставляя их пикировать и поворачиваться. Он мог бы даже, хотя это было запрещено, вызвать жирную утку на верную смерть. Теперь он осматривал черное небо в поисках того, что могло бы находиться там. Высоко вверху он заметил стаю гусей. Чуть ниже

сова парила на ветру, высматривая глазами мышей. И еще ниже—

Джек услышал тонкий, писклявый зов, и его отвлекся, чтобы увидеть Барда, дующего в флейту.

И-и-и, все прошло. Простой звук и в то же время не простой. В нем были слои и наслоения смысла, точно так же, как покрытый листьями пруд раскрывает сначала поверхность, а затем все больше глубин, если продолжать вглядываться. Ее ее ее ее двинулся воздух из сотни разных мест.

И вдруг небо наполнилось летучими мышами, кружащимися и пикирующими вокруг старика. Бард заиграл на своей флейте, и летучие мыши ответили. Джек мог различать колебания высоты и интенсивности в криках, но он понятия не имел, что они означали.

Бард отложил флейту. С сухим шелестом летучие мыши разлетелись и в одно мгновение исчезли. “Они отправились на поиски Торгиль”, - объяснил старик. “Я оставлю дверь приоткрытой на случай, если кто-то из них вернется”.

“Так вот для чего нужна флейта? Чтобы вызвать летучих мышей?” - прошептал Джек. Он не был уверен, почему говорит шепотом.

“С его помощью ты можешь вызывать многие вещи, с некоторыми из которых тебе не хотелось бы встречаться. По дороге в город Беббы я покажу тебе некоторые из его применений.” Старик больше ничего не сказал, но Джек был в приподнятом настроении. Он собирался изучать новую магию. Он уже выучил несколько слов по-птичьи и как произносить заклинание сна. Дела шли на лад.

Он перенес свою кровать в другой конец дома. Ему не хотелось проводить ночь рядом с открытой дверью, где летучие мыши прилетают и улетают, а в орешниковом лесу бродит чудовище. Он держал нож наготове и не спускал глаз с толстой ветки, тлеющей в костре, на случай крайней необходимости.

Но Бард мирно проспал всю ночь и проснулся отдохнувшим, как раз когда Джеку наконец удалось закрыть глаза.

<http://tl.rulate.ru/book/81483/2524405>